

Е. А. Коротич

*доцент кафедры теории и истории государства и права
Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина,
кандидат юридических наук (Беларусь)*

К ВОПРОСУ ОПТИМИЗАЦИИ СРЕДСТВ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ

Реализация системного подхода в области уголовно-правовой охраны личной свободы предполагает обеспечение не только однородности объединяемых преступлений, посягающих на указанный объект, но и законодательное закрепление сходных оснований повышения ответственности за их совершение (квалифицирующих признаков данных преступлений). Между тем в системе преступлений против личной свободы какой-либо закономерности в комбинации таких оснований, к сожалению, не наблюдается. В частности, представляется необоснованным отсутствие единого подхода к закреплению таких типичных для данных преступлений признаков, как «в отношении заведомо несовершеннолетнего», «в отношении заведомо для виновного беременной женщины», «в отношении двух или более лиц» и др. Нелогичной представляется позиция законодателя и в части формального обозначения идентичных по содержанию оснований повышения ответственности применительно к различным преступлениям против личной свободы. При этом следует особо подчеркнуть, что большинство признаков, с наличием которых законодатель связывает повышенную уголовную ответственность за данные преступления, отражают бóльшую степень выраженности не столько конструктивных признаков основных составов исследуемых посягательств, сколько признаков, имеющих факультативный характер в структуре состава преступления (цель, мотив, способ совершения преступления и др.). Последние могут быть определены как нейтральные признаки, которые не подвержены значительному влиянию со стороны признаков объективной стороны исследуемых деяний и направленности умысла виновных лиц в случае их совершения (например, несовершеннолетний возраст потерпевшего, состояние беременности у потерпевшей и др.).

С точки зрения системного подхода в области дифференциации уголовной ответственности за преступления против личной свободы наиболее очевидные недостатки уголовно-правового определения квалифицирующих признаков данных преступлений могут быть сведены к следующим:

во-первых, перечень признаков, с наличием которых уголовный закон связывает наступление повышенной уголовной ответственности за рассматри-

ваемые преступления, не отличается высоким уровнем корреляции применительно к близким по юридической природе составам преступлений против личной свободы человека. Особенно отчетливо этот недостаток проявляется в системе квалифицирующих признаков преступлений, предусмотренных ст. 182, 183 и 184 УК;

во-вторых, имеет место терминологическое различие в части формального обозначения идентичных по содержанию оснований повышения ответственности применительно к различным преступлениям против личной свободы (например, определение тяжких последствий в ч. 3 ст. 182 УК и ч. 2 ст. 184 УК), равно как отсутствие унифицированного подхода относительности последовательности их закрепления в соответствующих нормах УК;

в-третьих, конструирование признаков квалифицированных составов некоторых преступлений против личной свободы человека осуществлено без должного учета характера и свойств деяния в основном составе соответствующего преступления (например, п. 3 ч. 2 ст. 181 УК);

в-четвертых, придание одинаковым по содержанию основаниям повышения ответственности различного уголовно-правового значения при характеристике квалифицированных составов отдельных посягательств на личную свободу человека (например, ч. 3 ст. 181–182 УК и ч. 2 ст. 184 УК).

Помимо общесистемных недостатков конструирования перечня и содержания квалифицирующих признаков преступлений против личной свободы, обращают на себя внимание и некоторые технико-юридические погрешности уголовно-правового определения средств дифференциации ответственности за совершение отдельных посягательств на указанный объект.

В частности, не ставя под сомнение тот факт, что совершение преступления, предусмотренного ст. 181-1 УК (Использования рабского труда), лицами, относящимися к категории должностных, существенно повышает степень общественной опасности деяния, следует тем не менее отметить, что конкретизация признаков субъекта преступления, предусмотренного п. 4 ч. 2 ст. 181-1 УК, несколько суживает сферу криминализации. Как представляется, на повышение степени общественной опасности личности виновного и, следовательно, совершаемого им деяния оказывает влияние не столько должностное положение последнего, сколько его асоциальное отношение к своим служебным полномочиям, а также к тем, кого эти полномочия затрагивают. В силу того, что далеко не все лица, служебные полномочия которых могут быть использованы для совершения указанного преступления, относятся к категории должностных, при законодательном закреплении рассматриваемой характеристики субъекта названного деяния основной акцент, как представляется, должен быть сделан исключительно на факт использования служебных полномочий: именно данное обстоятельство облегчает виновному лицу совершение преступления. В кон-

тексте сказанного видится не случайным исключением из законодательной формулировки аналогичного основания повышения ответственности за торговлю людьми указания на должностной статус лица, совершающего соответствующее посягательство (п. 5 ч. 2 ст. 181 УК).

Совершенно обоснованно устанавливая повышенную уголовную ответственность за похищение человека, «сопровождавшееся мучениями или истязанием», законодатель в данном случае также допускает некоторую технико-юридическую погрешность. Исходя из контекста нормы в п. 7 ч. 2 ст. 182 УК, союз «или» используется в значении дизъюнкции, обозначая самостоятельность разделяемых уголовно-правовых понятий и указывая на достаточность любого из них. С точки зрения доктринального понимания мучений и истязания формулировка указанной нормы вполне корректна. Однако обращение к законодательному определению истязания свидетельствует об ином. В соответствии с ч. 1 ст. 154 УК истязанием признается умышленное причинение продолжительной боли или мучений способами, вызывающими особые физические и психические страдания потерпевшего, либо систематическое нанесение побоев, не повлекшие последствий, предусмотренных ст. 147 и ст. 149 УК. Иными словами, законодатель определяет причинение мучений в качестве одного из альтернативных деяний, характеризующих сущность истязания. В контексте сказанного действующая формулировка рассматриваемого квалифицирующего признака похищения человека обнаруживает несогласованность уголовно-правовых норм, устранению которой могло бы служить следующее редакционное изменение п. 7 ч. 2 ст. 182 УК: «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо сопровождавшееся мучениями или иными формами истязания».

Следует отметить, что причинение мучений в ходе совершения преступления признано законодателем основанием повышения ответственности и за такое посягательство на личную свободу человека, как незаконное лишение свободы. При этом как было показано выше, причинение мучений по смыслу уголовного закона (ч. 1 ст. 154 УК) является лишь одной из возможных форм истязания потерпевшего. Учитывая же специфику объективной стороны состава незаконного лишения свободы (ч. 1 ст. 183 УК), представляется возможным говорить о необходимости придания квалифицирующего значения и иным формам истязания удерживаемого лица, особенно учитывая системно-функциональную связь данного преступления с похищением человека, в норме об ответственности за которое истязание потерпевшего предусмотрено в качестве основания ужесточения ответственности.

Не является совершенной и формулировка квалифицирующих признаков торговли людьми, предусмотренных ч. 3 ст. 181 УК. Замечания в данном случае касаются недостатков юридической техники, выразившихся в использовании конструкции множественного числа для характеристики такого преступного

последствия, как телесные повреждения и иные тяжкие последствия. Буквальное толкование нормы ч. 3 ст. 181 УК закономерно приводит к заключению о необходимости установления факта причинения нескольких указанных последствий. Вместе с тем практика применения ч. 3 ст. 181 УК неизменно свидетельствует о том, что для наступления ответственности за особо квалифицированный состав торговли людьми достаточно причинения по неосторожности хотя бы одного тяжкого телесного повреждения либо наступления иного тяжкого последствия. Последнее в полной мере соответствует логике здравого смысла и принципам уголовного закона, в связи с чем представляется целесообразным использование конструкции единственного числа для законодательной характеристики указанных дополнительных последствий.

Сказанное относится и к другим преступлениям против личной свободы, нормы об ответственности за которые предусматривают соответствующее основание повышения ответственности (ч. 3 ст. 181-1, ч. 3 ст. 182, ч. 2 ст. 184 УК). Как представляется, указанное изменение уголовного закона позволит в превентивном аспекте исключить возможные правоприменительные погрешности, обусловленные чрезмерно узким пониманием уголовного закона, а также научные дебаты на сей счет. Кроме того, приведение рассматриваемого признака в соответствие с изложенным замечанием будет способствовать обеспечению единообразия уголовного закона: если в нормах о преступлениях против личной свободы наступление повышенной ответственности обусловлено причинением тяжких телесных повреждений или иных тяжких последствий, то нормы об ответственности за посягательства на другие объекты уголовно-правовой охраны (например, ч. 3 ст. 156, ч. 2 ст. 161, ч. 2 ст. 165, ч. 3 ст. 207 УК и др.) предусматривают более строгий вид наказания в случае наступления хотя бы одного из названных преступных последствий, закрепляя конструкцию единственного числа для их характеристики.

Обращает на себя внимание и еще один недостаток действующего уголовного закона в части закрепления оснований повышения ответственности за исследуемые преступления: придание качества такого рода основания признаку, характеризующему подавляющее большинство актов торговли людьми, а именно мотиву «корыстные побуждения». Как показывают эмпирические данные (сообщения средств массовой информации, материалы уголовных дел), указанный мотив является превалирующим побудительным фактором совершения преступления, предусмотренного ст. 181 УК. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что при квалификации содеянного в качестве торговли людьми правоприменитель в большинстве случаев (если не во всех) будет вынужден применять ч. 2 ст. 181 УК. Подобная практика, к сожалению, уже известна истории применения данной нормы: речь идет о предыдущей редакции ст. 181 УК, когда наиболее типичные способы совершения торговли людьми были вы-

введены за рамки основного состава рассматриваемого преступления, что фактически исключало квалификацию содеянного по ч. 1 ст. 181 УК. Исходя из того, что новая формулировка криминообразующих признаков торговли людьми охватывает наиболее распространенные способы совершения данного преступления, устранение отмеченного недостатка стало одной из причин принятия новой редакции ст. 181 УК. В контексте сказанного вполне вероятно ситуация, когда по причине неэффективности ч. 1 ст. 181 УК законодатель будет вынужден исключить и «корыстные побуждения» из перечня средств дифференциации ответственности за торговлю людьми.